ГЛАВА VIII.

Проснувшись, я почувствовал себя очень отдохнувшим и довольно долго лежал в полудреме, наслаждаясь ощущением телесного комфорта. События предыдущего дня, когда я проснулся и обнаружил, что нахожусь в 2000 году, вид нового Бостона, моего гостеприимного хозяина и его семьи, а также замечательные вещи, которые я услышал, были будто сном.

Я думал, что нахожусь в своей спальне дома, и фантазии в полусне-полудреме, которые проносились перед моим умом, были связаны с событиями и переживаниями моей прошлой жизни. Я мечтательно вспоминал события Дня украшения, мою поездку в компании Эдит и ее родителей в Маунт-Оберн и мой ужин с ними по возвращении в город.

Я вспомнил, как замечательно выглядела Эдит, и с этого момента стал думать о нашем браке; но едва мое воображение начало развивать эту восхитительную тему, как мой сон наяву был прерван воспоминанием о письме, которое я получил накануне вечером от строителя, объявляющего, что новые забастовки могут отложить на неопределенный срок завершение строительства нового дома.

Огорчение, которое принесло с собой это воспоминание, действительно пробудило меня. Я вспомнил, что у меня назначена встреча со строителем на одиннадцать часов, чтобы обсудить забастовку, и, открыв глаза, посмотрел на часы в ногах моей кровати, чтобы посмотреть, который час. Но ни один из часов не встретился мне взглядом, и более того, я сразу понял, что нахожусь не в своей комнате. Вскочив на диване, я дико оглядел незнакомую квартиру.

Я думаю, что, должно быть, прошло много секунд, пока я сидел так в постели, озираясь по сторонам, не в состоянии восстановить ключ к моей личной идентичности. В те моменты я был способен отличить себя от чистого существа не больше, чем мы можем предположить, что душа в грубом состоянии до того, как она получила индивидуальность, является чистой энергией внутри природы.

Странно, что ощущение неспособности само осмысления должно быть таким мучительным! Но так уж мы устроены. Нет слов, чтобы описать душевную пытку, которую я пережил во время этого беспомощного, безглазого поиска себя в безграничной пустоте.

Никакое другое переживание ума, вероятно, не дает ничего подобного. Ощущению абсолютной интеллектуальной остановки из-за потери ментальной точки опоры, отправной точки мысли, которая возникает во время такого кратковременного затемнения чувства собственной идентичности. Я надеюсь, что, возможно, никогда больше не узнаю, что это такое.

Я не знаю, как долго длилось это состояние, — оно казалось бесконечным, — когда, подобно вспышке, воспоминание обо всем вернулось ко мне. Я вспомнил, кто я и где я, и как я сюда попал, и что эти сцены вчерашней жизни, которые проходили перед моим мысленным взором, касались поколения, давным-давно превратившегося в прах.

Вскочив с кровати, я встал посреди комнаты, изо всех сил сжимая виски руками, чтобы они не лопнули. Затем я упал ничком на диван и, уткнувшись лицом в подушку, лежал без движения. Реакция, которая была неизбежна из-за душевного подъема, лихорадки интеллекта, которая была первым эффектом моего потрясающего опыта, наступила.

Эмоциональный кризис, который ожидал полного осознания моего фактического положения и всего, что оно подразумевало, настиг меня, и, стиснув зубы и тяжело дыша, вцепившись в спинку кровати с бешеной силой, я лежал там и боролся за свое здравомыслие. В моем сознании все вырвалось на свободу, привычки чувствовать, ассоциации мыслей, представления

о людях и вещах, все растворилось и потеряло связность и бурлило вместе в кажущемся непоправимым хаосе.

Не было никаких точек сплочения, ничто не оставалось стабильным. Оставалась только воля, и была ли хоть одна человеческая воля достаточно сильной, чтобы сказать такому бурлящему морю: "Мир, успокойся"? Я не смел думать. Каждая попытка рассуждать о том, что со мной произошло, и осознать, что это подразумевало, вызывала невыносимое помутнение рассудка. Идея о том, что я был двумя личностями, что моя личность была двойной, начала очаровывать меня своим простым решением моего опыта.

Я знал, что нахожусь на грани потери своего душевного равновесия. Если бы я лежал там и думал, я был бы обречен. У меня должно быть какое-то развлечение, по крайней мере, отвлечение от умственной нагрузки. Я вскочил и, поспешно одевшись, открыл дверь своей комнаты и спустился по лестнице. Час был очень ранний, еще не совсем рассвело, и я никого не нашел в нижней части дома.

В прихожей лежала шляпа, и, открыв входную дверь, которая была легко заперта. Объяснялось это тем, что кража со взломом не входила в число опасностей современного Бостона. Я оказался на улице, и в течение двух часов я гулял или бегал по улицам города, посетив большинство кварталов полуостровной части города.

Никто, кроме историка, который хоть немного разбирается в контрасте, который современный Бостон представляет с Бостоном девятнадцатого века, не может начать понимать, какой череде ошеломляющих сюрпризов я подвергся за это время. Если смотреть на город с крыши дома накануне, он действительно показался мне странным, но это было только в его общем виде.

Насколько полной была перемена, я впервые осознал теперь, когда ходил по улицам. Несколько старых достопримечательностей, которые еще сохранились, только усиливали этот эффект, потому что без них я мог бы вообразить себя в чужом городе. Человек может покинуть свой родной город в детстве, а вернувшись пятьдесят лет спустя, возможно, обнаружить, что он преобразился во многих чертах.

Он удивлен, но он не сбит с толку. Он осознает, что прошло много времени, и что за это время в нем самом также происходили изменения. Он лишь смутно помнил город таким, каким знал его в детстве. Но помните, что со мной не было никакого ощущения какого-либо промежутка времени. Что касается моего сознания, то прошло всего лишь день, всего несколько часов с тех пор, как я ходил по этим улицам, на которых едва ли что-то избежало полной метаморфозы.

Мысленный образ старого города был настолько свеж и силен, что не уступал впечатлению от реального города, а соперничал с ним, так что сначала одно, а затем другое казалось более нереальным. Я не видел ничего, что не было бы размыто таким образом, как лица на составной фотографии (это улучшенное, но убедительное изображение, состоящее из двух или более разных изображений прим. пер.).

Наконец, я снова стоял у двери дома, из которого вышел. Мои ноги, должно быть, инстинктивно привели меня обратно к месту моего старого дома, потому что у меня не было четкой идеи вернуться туда. Для меня это было не более по-домашнему уютно, чем любое другое место в этом городе чужого поколения, и его обитатели не были менее совершенно и неизбежно чужими, чем все остальные мужчины и женщины, живущие сейчас на земле.

Если бы дверь дома была заперта, ее сопротивление напомнило бы мне, что у меня не было

цели входить, и я отвернулся, но она поддалась моей руке, и, пройдя неуверенными шагами через холл, я вошел в одну из комнят, выходящих из нее. Бросившись в кресло, я закрыл свои горящие глаза руками, чтобы отгородиться от ужаса странности.

Мое душевное смятение было настолько сильным, что вызвало настоящую тошноту. Мучения тех моментов, во время которых мой мозг, казалось, плавился, или унизительность моего чувства беспомощности, как я могу описать?

В отчаянии я громко застонал. Я начал чувствовать, что, если не придет какая-нибудь помощь, я вот-вот сойду с ума. И как раз тогда это действительно произошло. Я услышала шорох половиц и поднял глаза. Передо мной стояла Эдит Лит. Ее красивое лицо было полно самого пронзительного сочувствия.

"О, в чем дело, мистер Уэст?" - спросила она. "Я была здесь, когда вы вошли. Я видела, каким ужасно расстроенным вы выглядели и когда я услышала ваш стон, я не могла молчать. Что с вами случилось? Где вы были? Могу я что ни будь для вас сделать?"

Возможно, говоря это, она невольно протянула руки в жесте сострадания. Во всяком случае, я поймал их в свои руки и цеплялся за них с таким же инстинктивным порывом, как тот, который побуждает утопающего хвататься за веревку, которую ему бросают, когда он тонет.

Когда я посмотрел в ее сострадательное лицо и глаза, влажные от жалости, мой мозг перестал кружиться. Нежное человеческое сочувствие, трепетавшее в мягком пожатии ее пальцев, принесло мне поддержку, в которой я нуждался. Его действие на умиротворение было подобно действию какого-нибудь чудодейственного эликсира.

"Да благословит вас Бог", - сказал я через несколько мгновений, "Должно быть, он только что послал тебя ко мне. Я думаю, мне грозила опасность сойти с ума, если бы ты не пришла".

При этих словах слезы навернулись ей на глаза.

"О, мистер Уэст!" - воскликнула она. "Какими бессердечными вы, должно быть, считали нас! Как мы могли оставить вас наедине с собой так надолго! Но теперь все кончено, не так ли? Вам, конечно, лучше."

"Да, - сказал я, - благодаря тебе. Если ты еще не уйдешь совсем, я скоро приду в себя".

"Действительно, я не уйду", - сказала она, слегка дрогнув лицом, что больше выражало ее сочувствие, чем объем слов.

"Вы не должны считать нас такими бессердечными, какими мы казались, когда оставили вас в таком одиночестве. Я почти не спала прошлой ночью, думая о том, каким странным будет ваше пробуждение этим утром; но отец сказал, что вы будете спать допоздна. Он сказал, что сначала было бы лучше не проявлять к вам слишком большой симпатии, а попытаться отвлечь ваши мысли и заставить вас почувствовать, что вы среди друзей".

"Вы действительно заставили меня почувствовать это", - ответил я. "Но, видите ли, это большой изменение - пропустить сотни лет, и хотя прошлой ночью я, казалось, не чувствовал этого так сильно, сегодня утром у меня были очень странные ощущения".

Пока я держал ее за руки и не сводил глаз с ее лица, я уже мог даже немного пошутить над своим бедственным положением.

"Никто не думал о такой возможности, как-то, что вы выйдете в город один так рано утром", - продолжала она. "О, мистер Уэст, где вы были"

Затем я рассказал ей о своем утреннем опыте, от моего первого пробуждения до того момента, когда я поднял глаза и увидел ее перед собой, точно так же, как я рассказал это здесь.

Во время рассказа ее охватила мучительная жалость, и, хотя я отпустил одну ее руку, она не пыталась забрать у меня другую, видя, без сомнения, как много пользы мне принесло держать ее.

"Я могу немного представить, на что должно было быть похоже это чувство", - сказала она. "Это ужасно. И подумать только, что вас оставили одного бороться с этим! Сможете ли вы когда-нибудь простить нас?"

"Но теперь это ушло. На данный момент вы совсем отогнали его, - сказал я.

"Вы не позволите этому чувству снова охватить вас?", - с тревогой спросила она.

"Я не могу обещать этого", - ответил я. "Возможно, еще слишком рано говорить об этом, учитывая, насколько странным все еще будет для меня".

"Но, по крайней мере, вы больше не будете пытаться бороться с этим в одиночку", - настаивала она. "Обещайте, что вы придете к нам, и позвольте нам посочувствовать вам и попытаться помочь. Возможно, мы мало что можем сделать, но это, несомненно, будет лучше, чем пытаться выносить такие чувства в одиночку".

"Я приду к тебе, если ты мне позволишь", - сказал я.

"О да, да, я прошу вас, сделайте это", - сказала она нетерпеливо. "Я бы сделала все, чтобы помочь тебе, все что в моих силах".

"Все, что тебе нужно сделать, это пожалеть меня, как ты, кажется, жалеешь сейчас", - ответил я.

"Тогда понятно, - сказала она, улыбаясь влажными глазами, - что вы должны прийти и сказать мне в следующий раз, а не бегать по всему Бостону среди незнакомцев".

Это предположение о том, что мы не были незнакомцами, казалось едва ли странным, настолько близко в течение этих нескольких минут сблизили нас моя беда и ее сочувственные слезы.

"Я обещаю, когда вы придете ко мне, - добавила она с выражением очаровательной лукавости, переходящей, по мере продолжения, в энтузиазм, - казаться настолько сочувственной для вас, насколько вы хотите. Но вы ни на минуту не должны предполагать, что мне действительно жаль вас. Я знаю, что нынешний мир - это рай по сравнению с тем, каким он был в ваши дни, и что единственное чувство, которое вы испытаете через некоторое время, будет благодарностью Богу за то, что ваша жизнь в ту эпоху была так странно прервана, чтобы вернуться к вам в этом."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/83668/2691331